

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 13

Москва
2013

Содержание

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Максимов Л.В.</i> Дилемма «естественности» и «неестественности» морального мотива	5
<i>Соломон Д.</i> Заполнение пустоты: академическая этика и секулярная медицина.....	30
<i>Шохин В.К.</i> Четвертый путь? К этическому обоснованию агатологии	47
<i>Олденквист Э.</i> Моральные чудеса и противоречивость доктрины первородного греха	76
<i>Гельфонд М.Л.</i> К вопросу о соотношении морали и религии: истина или абсолют	90

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Зубец О.П.</i> Нужен ли друг тому, кому мало что нужно?.....	105
<i>Гаджикурбанов А.Г.</i> Метафизические основания этики Спинозы	133
<i>Апресян Р.Г.</i> «Солилоквия» Шефтсбери: устройство морального субъекта.....	151
<i>Прокофьев А.В.</i> Справедливость и ресентимент (заметки на полях «К генеалогии морали Ф.Ницше)	175

НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА

<i>Матвеев П.Е.</i> Поступок самопожертвования (опыт этического анализа).....	199
<i>Миллер К.</i> Обладают ли люди добродетелями и пороками? (некоторые выводы из психологии).....	212
<i>Бакштановский В.И.</i> На пути к инновационной парадигме: становление Товарищества «Прикладная этика» В.И.Бакштановского и Ю.В.Согомонова	246
Резюме.....	261
Summary	265
Об авторах.....	269

Моральные чудеса и противоречивость доктрины первородного греха

Поэтому, как одним
человеком грех вошел в мир,
и грехом смерть, так и смерть
перешла во всех человекoв,
потому что в нем все согрешили.
Послание к Римлянам. Гл. V; XII

Аргументация

Доктрина первородного греха утверждает, что мы не заслуживаем того, чтобы попасть в рай, наш удел, согласно некоторым теологам, – вечное пребывание в аду, из-за того что мы унаследовали порочную и греховную природу, а не из-за чего-то, что мы сделали сами¹. Первородный грех был возложен Богом на безгрешную натуру наших древних предков. Требуется божественное прощение, чтобы попасть в рай; причем это относится к каждому человеку. Я хочу показать, что первородный грех не является непротиворечивым объектом веры или какого-либо другого убеждения. Но из моей аргументации не вытекает вывод о противоречивости других элементов христианской веры. Моя аргументация основывается на двух принципиальных убеждениях. Первое: единственная мораль, известная нам, исходит от нас самих, и ее мы затем можем приписывать Богу. И второе: то, что я называю «моральными чудесами», содержит в себе противоречие.

Совершая природное чудо, Бог преодолевает законы природы. Так, например, Он раздвигает воды Красного моря без всякой на то причины, за исключением Его собственной воли. Совершая моральное чудо, Он преодолевает человеческие моральные принципы. Так, Он делает людей внутренне греховными, не меняя ничего больше в них. Поскольку то, что противоречиво, не имеет соответствия в реальности, общество и церковь могут

¹ Унаследовали ли мы первородный грех от родителей или Бог наделил им каждого от рождения, нас здесь интересовать не будет.

заставить человека поверить в то, что Бог совершает моральные чудеса: ведь верить в них можно и не понимая их. Природные чудеса, хотя и противоречат науке, сами по себе непротиворечивы и поэтому могут быть объектами веры. Мы просто должны вообразить могущественное Божество, которое создало Красное море и затем на время раздвинуло его воды для Моисея. Кто-то может подумать: раз чудеса, природные или моральные, являются объектами веры, аргументы против них бесполезны: вера может отбросить моральные суждения так же легко, как и научные, и внушить представление о том, что человеческая природа греховна, но невозможно, чтобы Бог (или какое-либо другое существо) осуществлял бы моральные изменения без внеморальных изменений. Однако разве Бог не смог бы наделить человеческую натуру похотью, гневом и скупостью после грехопадения, а затем через Библию и Отцов Церкви объявить, что эти качества делают нас внутренне греховными? Да, если мы тоже так думаем, поскольку идея, что Бог считает нас греховными из-за этих качеств, представляется верной, если только мы сами уже считаем, что эти качества делают нас греховными.

Есть две вещи, которые нельзя без противоречий представить себе в Боге: то, что его мораль не соответствует нашей, и то, что Бог может сделать человеческую натуру греховной без изменения его внеморальных качеств.

Существуют две версии того, как первородный грех вошел в Адама и Еву, обе – неудовлетворительные.

1. Адам и Ева не имели сексуального желания, гнева или скупости до своего слушания, после которого Бог наделил их этими чертами и объявил их греховными.

Может ли эта версия хотя бы частично демистифицировать первородный грех? Вредные проявления сексуального желания и гнева были осуждены евреями библейских времен. Бог превратил Адама и Еву из их первоначального состояния в людей с похотью и гневом. Но первородный грех – нечто большее, чем сказанное: мы греховны уже потому, что эти черты нам присущи, независимо от того, злоупотребляли мы ими или нет. Это идея, которой мы обязаны Августину Блаженному. Первородный грех не зависит от того, как мы себя ведем, и, кажется, удачнее было бы называть его метафизическим, а не моральным пороком. Разумеется, если

у Адама и Евы не было сексуального влечения до того, как они ослушались Бога, то, не прояви они этого ослушания, они так бы и остались первыми и последними людьми.

2. Адам и Ева изначально были безгрешны, но имели такую же натуру, как и мы сейчас, включая сексуальное влечение и способность к гневу и непослушанию. За их непослушание Бог посредством чуда превратил эти свойства (но не сам акт непослушания) из безгрешных в греховные, установив новую человеческую греховную натуру.

Бог сделал человеческую природу греховной, т. е. изменил ее в нравственном отношении, не изменяя ее в каком-либо другом отношении, что позволяет определить это действие как моральное чудо. Люди как до, так и после грехопадения всегда были способны на неповиновение Богу, т. е. в этом смысле человеческая природа не изменилась. Можно предположить, что сексуальные желания и гнев выражали греховную натуру ещё до Потопа, но это, похоже, разрушило бы первородность первородного греха, как и Божье наказание за непослушание. Обе эти версии оказываются несостоятельными ещё и потому, что не объясняют, как первородный грех оправдывает наказание будущих поколений, которые еще не проявляли непослушание Богу.

Особенно странно в концепции первородного греха то, что если обычные наказания происходят за греховные дела или даже за греховную натуру, то здесь человека делают греховным в качестве наказания, т. е. странным образом нарушается естественная последовательность греха и наказания. Предположим, вы решаете сделать меня греховным (допустим, знаете как) в качестве наказания за кражу. Но моя кража уже является действием неправильным и греховным, а поэтому уже поздно наказывать меня греховностью. Вы наказываете меня штрафом или тюрьмой, потому что я виноват и грешен. Адам и Ева не послушались Бога, что, готов согласиться, являлось грехом. Бог мог наказать их за греховное поведение, поместив их в ад, или сделав их смертными, или просто выразив свое порицание. Но что означает наказание грехом? Возможно, это означает, что, хотя до непослушания Адама и Евы не существовало ни греха, ни наказания, Бог, рассердившись, изобрел грех и наказание и наказал Адама и Еву греховностью. Но опять же, их непослушание предшествовало изобретению греха и

наказания. Поэтому как он мог наказать их за это? Один из ответов: Бог из чувства гнева и мести сделал их греховными постфактум, что означало признание всех их действий до изобретения Богом греха правильными. Но как Бог (или кто-либо) переходит от чувства гнева и мести к моральным суждениям и греху? Поскольку это то, о чем думали древнееврейские авторы Библии, постольку здесь содержатся интересные зачатки современных теорий происхождения морали. Наши ранние общественные предки гневались на воров, т. к. воровство противоречило их групповому эгоизму по отношению к роду и, следовательно, угрожало социальности, от которой зависела их безопасность. В течение тысячелетий, как сформировался язык, их гнев выражался в том, что антисоциальное поведение они называли неправильным или греховным. Это, возможно, проливает свет на происхождение греха как аморального поведения, но не имеет отношения к проблеме первородного греха, где наказание назначается за чей-то чужой грех и заключается в наделении тебя греховностью, вместо того, чтобы назначаться *за* греховность.

Изменение местоположения вод Красного моря каузально зависит от физических изменений и законов природы. Превращение человеческой натуры из безгрешной в греховную зависит концептуально от других ментальных или физических изменений. Эта проблема не является такой, на которую христианские теологи не обращают внимания. Как только они задумались над проблемой первородного греха, они стали искать эмпирические, подтверждающие его проявления. Например, Августин Блаженный испытывал отвращение к похоти, в чем усматривался знак человеческого грехопадения. Тем не менее здесь, кажется, предполагается наличие какой-то неопределенной и неразвитой формы морального реализма, позволяющей представить добро и греховность, подобно весу и цвету, имеющими концептуально и, возможно, эмпирически достаточно четкие различия между одним и другим. Бог сделал нас греховными и заслуживающими ада и сделал это, не меняя наши неморальные качества, действия или убеждения. Он изменил моральную реальность точно так же, как изменил местоположение вод Красного моря. Эта противоречивость не имеет ничего общего с ограничением всемогущества всевидящего Бога, а касается одного из аспектов

обычного употребления выражений «греховное» и «морально неправильное». Из них следует, что должно произойти что-то еще, чтобы Бог или кто-то другой мог превратить нашу натуру из хорошей в плохую. Даже Бог не может сделать нас греховными, не изменив что-либо еще в нас. Это одна из трех причин невозможности моральных чудес и противоречивости доктрины первородного греха; другая состоит в противоречивости представления о грехе как наказания; и третья – это зависимость нашего представления о морали Бога от человеческой морали.

Природные и моральные чудеса кажутся похожими: в первом случае Бог преодолевает каузальность (раздвигает воды Красного моря), а во втором – мораль (делает человеческую натуру греховной). В ситуации с Красным морем что-то происходит: воды раздвигаются, позволяя Моисею и его народу пройти, а затем вновь смыкаются. В случае определения Богом человеческой природы как греховной ничего не происходит кроме наших реакций на это определение. Суть природного чуда в том, что Бог *делает нечто*, при этом нет необходимости сделать что-то еще для совершения чуда: Он просто приказывает Красному морю раздвинуть свои воды. Суть морального чуда – та же самая, и поэтому моральные чудеса концептуально невозможны и противоречивы.

Если бы Моисей спустился с горы с заповедями делать что хочешь, лгать, красть, соблазнять жену ближнего своего, то древние евреи выбросили бы его скрижали, и мы никогда не узнали бы о Моисее и его роли в истории. Они сказали бы ему, что Бог добр и не может учить подобным аморальным поступкам, а всякое сверхъестественное существо, которое учит этому, не есть Бог. Противоречиво думать, что Бог морально оправдывает воровство, поскольку, во-первых, мы не можем поверить, что Бог так считает, пока сами не поверим в это и не припишем наши убеждения Богу; во-вторых, на протяжении долгой и медленной эволюции человеческой социальности и морали воровство решительно осуждалось, запрещалось, и, соответственно, считалось аморальным; в-третьих, Бог может знать, что в некоторых ситуациях воровство морально оправдано, поскольку Он всеведущ и может знать о невидимых обычным людям оправдывающих обстоятельствах и, если бы мы тоже знали о них, наша моральная оценка была бы такой же.

Традиционное христианство считает, что за совершенные грехи нас следует прощать, но даже если мы не совершили много грехов, поскольку наша натура проявляет также первородный грех, мы все равно идем в ад, дорога в рай для нас будет закрыта, покуда Христос не простит нас². Одно очевидное возражение против этого состоит в том, что мы не ответственны за свою натуру. Заслуживать ада за свою натуру – это все равно, что быть евреем в нацистской Германии: евреев посылали в лагеря смерти не за то, что они что-то сделали, а за то, что они евреи. Так же мы не можем поверить, что Бог полагает, что мы заслуживаем ада, скажем, за кражу, поскольку мы сами считаем, что не заслуживаем ада за это. Но может быть, всеведущий Бог знает о воровстве нечто такое, что если бы мы тоже это знали, мы согласились бы, что заслуживаем ада за воровство? Возможно, но проблема не в этом. Проблема не в том, что нет ничего такого, как бы мы ни фантазировали, что гарантировало бы попадание в ад (не факт, что Гитлер попал в ад), а в том, что мы сами должны верить, что есть действия, за которые мы гарантированно попадем в ад, и должны знать это еще до того, как мы поверим, что и Бог считает так же. Предположим, что Бог знает о нас какие-то факты морального свойства, которые мы сами не знаем, и предлагает нам догадаться о них, а затем определить их моральную значимость. Но разве Бог, будучи всеведущим и воплощением добра, не лучше нас знает, что правильно, а что нет? И да, и нет. Нет, поскольку его всеведение касается знания фактов. Но легко представить себе, что его отдельные моральные суждения могут отличаться от наших, поскольку основаны на безграничном фактическом знании прошлых и будущих обстоятельств и последствий. Конечно, не все люди придерживаются одних и тех же норм, и все вместе они приписывают Богу различные и часто несовместимые нормы. При этом каждый утверждает, что именно он понимает Бога правильно. Неадекватность данной ситуации почти для каждого, заслуживающего ада, является важной частью рационального рассуждения о первородном грехе. Но если доктрина первородного греха противоречива, защитникам ада остается только выбирать между неадекватным и противоречивым. Тем не менее доктрина первородного греха является прекрасным

² Я уверен, что теологи объяснили, как люди, которые родились и умерли до Христа, смогли избежать последствий первородного греха.

изобретением теологов. Никто не может заявить, что он заслуживает рая больше или ада меньше, чем сосед: все имеют равную потребность и равную возможность просить и получать прощение Христа, становясь в этом процессе христианами.

Откуда взялась мораль?

Почему древние евреи приняли на веру чудодейственную приостановку законов физики в случае разверзшихся вод Красного моря, но не приняли чудодейственную приостановку моральных законов? Отчасти ответ состоит в том, что десятки тысячелетий до древних евреев серьезные природные явления приписывались духам и богам, существам, которых можно было упротить не насыпать засуху или извержение вулкана. Это были единственные объяснения природного мира, которыми владели наши первобытные предки. Перед ними не стоял вопрос, как это происходит, поскольку не было науки. Они спрашивали себя: кто это сделал и почему, поскольку единственными парадигмами объяснений были действия человека и животных. Их моральный мир был более стабильным и твердым чем природный, т. к. социальная общность нуждалась в устойчивой морали, а природные явления, такие как погода и землетрясения, были менее предсказуемой сферой духов, богов и ведьм.

Понятно, почему человеческая социальность не может существовать без морали и что человеческий мир протоморали появился с возникновением человека прямоходящего (*homo erectus*) примерно миллион лет назад. Род (*clan*), который способствовал формированию групповой лояльности и других основ сотрудничества, включая честность, мог успешнее побуждать своих членов к защите своего рода и стабильности. Социальность и социальная мораль по необходимости развивались совместно еще до того, как сформировался язык (уже хотя бы потому, что он предполагает наличие партнеров по общению) и, возможно, за миллион лет до того, как возникли монотеизм и моральные кодексы, приписываемые Богу. Вот почему абсурдно думать, что люди узнали о морали или получили ее от Бога. Соотношение биологического и культурного в эволюции социальности и

морали – вопрос сложный³, но, по крайней мере, должно быть ясно, что происхождение морали не имеет ничего общего ни с богами, ни с Богом. Сама религия развивалась, включая в себя анимистические, а затем политеистические объяснения природных явлений (сопровождаемые мольбами о помощи), задолго до того, как люди стали приписывать моральные требования богам, поскольку целью религии до относительно недавнего времени было объяснение и помощь, а не мораль.

Первородный грех и ад

Как уже было сказано, существует концептуальная разница между физическими и моральными чудесами. Религиозная вера в то, что Христос умер, а затем чудесным образом воскрес из мертвых, не является противоречивой. Кто-то, который был мертвым, встает и идет. Доктрина первородного греха не нуждалась бы в моральном чуде, если бы она имела в виду только недопущение в рай нехристиан. Но произвольное перевертывание логики морали без всякой причины является моральным чудом и поэтому противоречиво. А если у Бога есть основания считать, что мы заслуживаем ада, наша собственная мораль должна сказать нам это, поскольку, как я уже говорил, мы не можем воспринять мысли Бога о том, что мы заслуживаем: нам подвластны лишь собственные мысли о том, чего мы заслуживаем. Так как невозможно поверить, что предполагаемая божественная заповедь несовместима с человеческой моралью, мы не должны верить угрозам божественного наказания, непропорционального человеческим наказаниям за похожие проступки. Мы не должны верить, что они исходят от Бога. Я, конечно, не утверждаю, что никто

³ Групповая лояльность и социальная идентичность и их роль в эволюции социальности и морали исследовались во многих моих публикациях, например: «Loyalty» (Лояльность) // *Journal of Philosophy*. 1982. № 79(4). P. 179–193; «Non-Suicidal Society» (Несуицидальное общество). Bloomington, 1986; «Нравственные потребности человеческого рода» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия*. 1989. С. 32–39; «An Explanation of Retribution» (Объяснение воздаяния) // *Journal of Philosophy*. 1988. № 85(9). P. 464–478; «The Origins of Morality: An Essay in Philosophical Anthropology» (Происхождение морали: очерк философской антропологии) // *Social Philosophy and Policy*. 1990. № 8(1). P. 121–140.

не может верить в моральные чудеса, т. к. миллионы людей в них верят. Вера в то, что является ложным, людей не смущает, но если они находят в ней противоречия, то у них возникает вопрос о том, во что верить. Хотя, если не видеть этих противоречий, то внешне это может выглядеть как другая вера. Вера может сформироваться под влиянием индоктринации, софистики и окружающих людей, будь она истинной или ложной, противоречивой или непротиворечивой. Но вера в первородный грех – это такая вера, причины которой человеку необходимо знать.

Раннее римско-католическое и протестантское учения говорят, что совершенные нами грехи не определяют, куда мы попадем: в ад или рай; это определяют первородный грех и божественная милость. Эта доктрина вызвала у миллионов людей отвращение к самим себе и породила веру в то, что они заслуживают ада или, по меньшей мере, недопущения в рай, независимо от того, совершили они серьезные грехи или нет⁴. Первородный грех, страх наказания после смерти и желание божественного прощения если и оказывают какое-то положительное воздействие на моральное поведение, необходимое для социальной стабильности, то очень незначительное. Причины введения доктрины первородного греха не социальные, а евангелистские. Ни о ком нельзя с уверенностью утверждать, что он угодит в ад за совершенный грех, несмотря на то, что существует серьезная моральная разница между мелким воришкой и начальником нацистского лагеря смерти. Если на смертном одре они оба раскаются и попросят у Христа прощения, то и тот и другой попадут в рай. Доктрину первородного греха легче всего понять как христианскую стратегию рекрутирования новых верующих. Настойчивая и продолжительная индоктринация способна внушить большинству людей почти все, что угодно, включая морально заслуженный ад или недопущение в рай, при этом те же самые люди также считают, что они не заслуживают такого сурового наказания, как год тюрьмы. Почему бы тогда не заставить евреев поверить, что Бог заповедал считать воровство добром? Но это потребует чего-то большего, чем поддельная

⁴ Теологи попытались смягчить драконовскую концепцию ада и сделать ее более гибкой, введя понятия чистилища, преддверия ада, кругов ада. Но эти нововведения оказались слишком ужасными, чтобы произвести планировавшееся смягчение.

Моисеева скрижаль. Религиозные и политические доктрины, противоречивые или нет, испытывают триумф, когда они поддерживаются церковью и армией, когда наказывают неверие и обещают бессмертие.

Первородный грех, вожделение и теологи

Когда христианские мыслители искали эмпирические проявления первородного греха, заразившего каждого, они, возможно, думали о непослушании, поскольку Адам и Ева вкусили запретный плод. Однако в реальности этим проявлением смогло стать только одно, а именно: вожделение, сексуальное желание. Это свойство является универсальным, мы наследуем его как часть нашей природы. Оно заставило детей Адама и Евы совершить инцест, в результате которого зародилось человечество. Оно представляет из себя скорее телесный, чем духовный источник удовольствия и счастья. Ничто другое, кроме вожделения, не подходило так для этой цели. Много ранних и средневековых христиан ненавидели себя, потому что идентифицировали свои плотские желания с первородным грехом.

До конца I в. «Спасителем» редко называли Иисуса, в Евангелиях от Павла, Матфея и Марка такое определение прямо не встречается. Автор четвертого Евангелия, Иоанн, сказал, что спасение было спасением от смерти и достигалось оно посредством веры в святость Христа. В Первом Послании к Коринфянам (гл. XV) и в Послании к Римлянам (гл. V) есть некоторые намеки на первородный грех. Во II–III вв. спасение было спасением от врагов иудеев, а также гарантией принятия после смерти в Царство Божие. В Новом завете необходимость веры в Христа заключается, прежде всего, в избавлении от смерти, но не от греха. Первородный грех и спасение от греха посредством Христа были придуманы Августином Блаженным в IV в. Августин боялся и испытывал отвращение к плотской любви, и говорил, что если вы не можете сохранять целомудрие в течение всей жизни, то надо признать свое поражение и жениться. Вожделение, писал он, разрушает волю и делает людей «*massa damnata*» («проклятой массой»). Примерно через 1200 лет Мартин Лютер и Джон Кальвин назвали вожделение основным проявлением нашей грешной природы.

Демонизация сексуального желания сделала первородный грех реальным и на протяжении веков принесла христианской Европе, возможно, больше несчастий, чем «Черная смерть». Это худшая клевета в истории человечества. Теологи заявляли, что мы унаследовали первородный грех в образе вожделения как часть нашей испорченной натуры. Таким образом, распутник и целомудренный монах оказываются равными носителями первородного греха. Эта позиция, как я уже говорил, требует совершения морального чуда посредством наделения человеческой натуры греховностью без изменения чего-либо еще в связи с этим, и поэтому она является противоречивой. С одной стороны, мы имеем призывы Иисуса к доброте, прощению, любви к врагам своим и т. д., с другой – озабоченность христианских теологов грехом и их яростные нападки на человеческую сексуальность, которые, похоже, имеют место в разных религиях в разных концах мира.

Я долго пытался понять, почему, начиная с раннего христианства, теологи так неистово отвергали секс. Это казалось несправедливым и жестоким, поскольку половая любовь и семья представляли из себя единственный источник счастья, легко доступный не только богатым, но и бедным. С половой и семейной любовью люди, возможно, менее готовы были видеть в религии единственное спасение от несчастий этого мира. Поэтому церковь отравила секс грехом. Отвращение к сексу имело больше политический характер, чем патологический (за исключением, пожалуй, Августина Блаженного), поскольку плотская любовь представляла для христианства наибольшую опасность, и в борьбе с ней главным оружием был первородный грех. С похожей проблемой в свое время столкнулись коммунисты в России. Перед революцией многие коммунисты верили в свободную любовь, но после того, как они взяли власть в 1917 г., они стали почти пуританами. В половой любви они увидели соперника, который мог снизить революционный и партийный энтузиазм.

Утверждается, что Христос умер за мои грехи, но мои реальные ошибочные мысли и действия, в отличие от первородного греха, не так ужасны, чтобы кто-то, Христос или я сам, умирал за них. Если это так, то в христианских рассказах о всеобщей вине, грозящем аде, распятии на кресте, покаянии и божественном прощении нет нужды. Если бы Бог хотел простить наши грехи, он просто мог

бы сделать это, а не посылать Христа делать это по доверенности. Здесь есть какая-то головоломка. Поскольку подразумевается, что только первородный грех настолько велик, чтобы гарантировать ад или недопущение в рай, то отсюда, видимо, следует, что Христос умер, чтобы искупить наш первородный грех, и поэтому люди должны просить у Христа прощение за это, а не за то, что они сделали. Странно, однако, что человек должен нуждаться в прощении за нечто абстрактное и вообще неискоренимое. Это также ставит под вопрос необходимость церковных исповедален. Похоже, функция доктрины первородного греха – возместить отсутствие реальной аморальности, достаточной для попадания в ад или недопущения в рай и таким образом гарантировать, что никто не избежит необходимости просить у Христа прощения и тем самым стать христианином.

В течение веков служители культа читали наставления о первородном грехе и его грозных последствиях, но мне кажется, что этот элемент христианской веры должен быть отброшен, он является основным примером морального чуда и так же непонятен, как и мнимые Моисеевы скрижали. Он усиливает диссонанс между представлениями многих христиан о том, что они заслуживают в этом мире, и тем, что, они полагают, случится с ними после смерти, если Бог не простит их. Вопрос не в том, чувствует ли и понимает кто-то, что он внутренне греховен и порочен из-за первородного греха, а в том, имеет ли эта доктрина смысл. Представление о науке и вере как двух способах познания не может найти место морали, т. к. моральные убеждения не являются ни предметом науки, ни ясными объектами веры. Мы сами должны определять, что морально, а что нет, еще до того, как в голову придет мысль, что Бог считает так же.

Христиане и иудеи не могут спокойно принять «наполненную чудесами» библейскую мораль, противоречащую их сформированным ранее моральным убеждениям. Например, книга Левит Ветхого завета предписывает убивать, среди прочих, богохульников, детей, носящих родителей, ведьм и тех, которые занимаются сексом с животными и родственниками со стороны другого супруга. Наши взгляды стали мягче, и мы лучше знаем и понимаем разных людей, но наше убеждение, что нельзя убивать богохульников, означает не то, что Бог ошибался или изменил свое

мнение, а то, что у древнееврейского писателя были определенные предрассудки. Как раньше, так и сейчас нет ничего, кроме нашей собственной морали, приписываемой Богу, и понятно, что через три тысячи лет, возможно, люди отвергнут какие-то моральные представления, приписываемые Богу, если на минуту предположить, что люди и религия еще будут существовать. Поскольку Бог всеведущ, он не меняет своего мнения о фактах и, следовательно, не может поменять своего мнения о человеческой морали. Мы же, когда меняем свое мнение, можем сослаться на то, что Бог так всегда считал.

Как я уже говорил, убеждения, основанные на вере, не всегда непротиворечивы. Теолог III в. Тертуллиан известен изречением «Credo quia absurdum» («Верую, потому что абсурдно»), которое является противоречивым, с чем он с удовольствием согласился бы. Но разве современные христиане, которые не расположены к абсурду, не должны задаваться вопросом, почему и как первородный грех делает всех заслуживающими вечного наказания, т. е. какой в этом моральный смысл? Если люди сами не могут морально принять это, им следует исключить это из перечня того, что им предлагается принять исходя из религиозной веры. Вера в Бога или божественность Христа не зависит от моральных чудес и поэтому не является противоречивой. За исключением первородного греха не существует какого-то общего человеческого недостатка, который был бы настолько серьезен, что разъединял бы людей с Богом и Небесами.

Я рассмотрел три аспекта первородного греха:

1) как Божье наказание за грех Адама, каждый рождается с греховной и морально испорченной натурой.

Это противоречивое «моральное чудо» должно быть удалено из перечня того, что принимается на веру;

2) Бог осудит нас на ад или не пустит в рай, если мы не попросим прощения у Христа и у Него за первородный грех.

Такое наказание было бы аморальным, поскольку является чрезмерно жестоким и, к тому же, назначается не за то, за что мы лично ответственны, вследствие чего оно не может быть Божьей карой;

3) первое и второе утверждения не могут идти от Бога, так как первое – противоречиво, а второе – аморально. Они идут от христианских теологов, пытающихся обратить в веру испуганных людей.

Мой вывод: доктрина первородного греха противоречива, аморальна и является собой не что иное, как стратегию рекрутирования новых верующих.

Перевод с английского Б.О. Николаичева

Библиография

Олденквист Э. Нравственные потребности человеческого рода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1989. № 6. С. 32–39.

Oldenquist A. An Explanation of Retribution // Journal of Philosophy. 1988. № 85(9). P. 464–478.

Oldenquist A. Loyalty // Journal of Philosophy. 1982. № 79(4). P. 179–193.

Oldenquist A. Non-Suicidal Society. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1986.

Oldenquist A. The Origins of Morality: An Essay in Philosophical Anthropology // Social Philosophy and Policy. 1990. № 8(1). P. 121–140.